

А.В. Михайловский

Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*

Статья вторая

«Подлинная техника»*

В статье рассматривается понятие Хайдеггера о «подлинной технике» в связи с его интерпретацией аристотелевского различия *physis* и *techne*. Выдвигается гипотеза о том, что три концептуальных комплекса «забота – работа – *techne*/техника» можно считать точками кристаллизации Хайдеггеровской мысли конца 1920-х – начала 1930-х гг., сопряженными между собой систематической линией.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Аристотель, *physis*, *techne*, современная техника.

1. Три концептуальных комплекса «забота – работа – *techne*/техника»

Греческий мыслитель в роли наставника, дающего советы, как отвечать на кризис модерна? Хайдеггеровская герменевтика Аристотеля содержит положительный ответ на этот вопрос. Правда, это в то же время означает, что для правильного определения своего нынешнего положения мы сначала должны научиться чему-то очень важному относительно греческих, т. е. оригинальных в собственном смысле слова, понятий *physis* и *techne*, которые играют ключевую роль в европейской метафизике.

© Михайловский А.В., 2017

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17–01–0070) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

* См.: Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования Хайдеггеровской мысли о технике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3 (5). С. 37–51.

Чтение Аристотеля – это наше упражнение в зрении. Оно приготавливает нас понимать сущее в свете существенного различия между *techne* и *physis*, смазанного в нашей – новоевропейской – оптике. Предшествующее рассмотрение показало, что *techne* предполагает осведомленность относительно бытия сущего, соответственно, предполагает определенное понимание *physis*. Это понимание присутствует в *techne* не эксплицитно, потому что *techne*, конечно, напрямую не имеет дела с бытием сущего, но занимается обычно тем, как нечто сущее может быть использовано внутри нашего жизненного мира.

Вспомним заявление в начале трактата «О существе и понятии *physis*»: «Мир трещит по швам» – казалось бы, несколько странная фраза в свете заявленной узкой темы «сущность и понятие *physis*» у Аристотеля. Впрочем, хайдеггеровская феноменологическая деструкция устроена так, что разговор о «сущности» – будь то «*Dasein*», «основание», «истина», «свобода» или «природа» – всегда ведется «с прицелом» на прояснение текущей практической ситуации, моего «здесь и сейчас»¹. Европейское человечество забыло о настоящем смысле природы и техники: на смену им пришло безоглядное планирование. Мир в целом находится под угрозой, исходящей от машинной техники, которая относится к природе в рамках модели производства, «овладевает и манипулирует» природой². Что если предположить, говорит Хайдеггер, что человека полностью заменит техника, т. е. человек изобретет технологию производства человека? «Успех будет означать: сам человек устроил так, что его собственная сущность как субъективность взлетела на воздух, а там, в воздухе, полностью бессмысленное считается единственно “осмысленным” и поддержание этой якобы осмысленности выливается в человеческое “господство” над кругом земли. Получается, “субъективность” не исчезла, а лишь “успокоилась” в “вечном прогрессе” вечной китайщины; вот это и есть предельное вырождение (*Unwesen*) *physis* – *ousia*»³.

Однако движение истории бытия – это не набирающее обороты движение паровоза прогресса навстречу бесконечной «китайщине». Индивидуальная и народная жизнь в ее истории стоит под властью *Geschick* и направляется по тому пути, по которому бытие «нарождается» в каждой новой эпохе и овладевает мыслями и делами людей. На смену «упорядоченности» греческой природы приходит «сотворенность» христианского мира, а последняя сменяется «волей к власти» в форме «тотальной мобилизации» всего сущего. Более того, эта судьбоносная игра бытия имеет свои правила, ставит перед ее участниками задачи и ждет от них решений, для которых требуется известная доля мужества. Игру никто не может

полностью контролировать, иначе она перестала бы быть игрой. А значит, будущее, включая направление технического развития, принципиально открыто. Ни одна «эпоха» не может считаться «минувшей», окончательно канувшей в Лету, но все они сохраняются как своеобразные точки бифуркации, как развилки истории бытия, к которым всегда может вернуться свободное мышление. В этом смысле следует понимать и двойственную характеристику техники как опасности и источника спасительного, которая подразумевается бытийно-историческим мышлением и обсуждением техники в контексте вопроса о сущности истины в 1930-е гг. Однако если для послевоенного Хайдеггера свойственен известный пессимизм относительно дальнейшего технического развития, то в период ректорства он оценивал шансы на выигрыш высоко.

Остается уточнить, как, по Хайдеггеру, должна была разворачиваться историческая миссия германского народа (*Volk*), обнаруживающего себя, так сказать, в силовом поле между природой и техникой. Ответ на этот вопрос дают речи и меморандумы Хайдеггера, объединенные заголовком «*Das Rektorat*». Они однозначно говорят против распространённого объяснения Хайдеггеровской критики современной техники ссылкой на пресловутую «демонизацию техники»⁴. Наоборот, мы встречаем совершенно иную – глубоко «экологичную» с нынешней точки зрения – оценку техники. В знаменитой ректорской речи «Самоутверждение немецкого университета» техника называется «мирообразующей силой человеческо-исторического *Dasein*» и ставится в один ряд с «природой», «историей», «искусством» и «государством»⁵. Несокрываемость этой силы, принципа или власти (я прочитываю *Macht* как немецкий перевод аристотелевского *arche*, правящего начала, запечатлевающего на сущем свой характер) составляет существо истины. В другой речи Хайдеггер говорит даже о «подлинной технике» (*echte Technik*)⁶ – выражение, которое, насколько мне известно, не встречается больше нигде в корпусе сочинений – и ее «образующей [формирующей – читай: аристотелевская *morphe*] силе», которая должна быть подчинена и поставлена на службу (*dienstbar gemacht*) свободному развертыванию природы. Фундаментальным экзистенциалом *Dasein* как бытия-в-мире, толкуемого в речах и лекциях начала 1930-х гг. применительно к германскому народу в его истории, является уже не столько забота (*Sorge*), сколько работа (*Arbeit*), от которой ожидается, что она «поместит народ в поле действия всех существенных сил бытия (*Seinsmächte*)»⁷, делает его годным для своей бытийной миссии.

После публикации лекций Хайдеггера первой половины 1930-х гг., ректорских речей и, в особенности, тома «Об Эрнсте

Юнгере», трудно оспаривать тезис исследователя истории текстов Хайдеггера Д. Тома, что «на пике своего сотрудничества с нацистским режимом Хайдеггер развивает магистральный тезис о переходе от центрального понятия “Бытия и времени” (“забота”) к центральному понятию национал-социалистических текстов (“работа”))»⁸. «Работа» ведет к «подрыву всякой субъективности» (*Sprengung aller Subjektivität*)⁹, по аналогии с Аристотелевской «энергией», цель «работы» – сам акт, деятельность, в котором индивидуальные действия создают предпосылку для перехода к «со-бытию с собой и другими»¹⁰, т. е. для тотального слияния с «народом». В отличие от «заботы», с которой в «Бытии и времени» связывается широкий спектр действий, в 1933/34 гг. «работа» целенаправленно истолковывается как выработка скрытых задач (которые сам работающий содержательно неспособен сформулировать), благодаря ей осуществляется переход в «поле действия всех сущностных сил бытия». Это особенно хорошо видно на примере отношения «работы» и «земли». «Работа», привязанная к тому, что может быть произведено (*hergestellt* или *herausgestellt*), оказывается *techne*: она относится к тому, что может быть обнаружено, выведено у *physis*. «Здесь, – справедливо отмечает Тома, – есть уже все, о чем будет размышлять Хайдеггер позднее в связи с отношением техники и раскрытия»¹¹.

Особенно рельефно эта взаимосвязь проступает в анализе понятийной пары природа–техника. Проводимая параллель с «Рабочим» Э. Юнгера¹², несомненно, очень эвристичная в перспективе развития хайдеггеровской мысли о технике, не должна вводить нас в заблуждение в отношении оценки процесса «тотальной мобилизации»: для Хайдеггера Юнгер остается в сфере конструктивистского, технологического, что не позволяет придать его пониманию техники «дружественный» по отношению к *physis* характер. Ведь Хайдеггер видел в «тотальной мобилизации» лишь форсирование рационализации и прямой путь к «расширению пустыни»¹³. «Работа» в выступлениях Хайдеггера 1933/34 гг. как бы включает в себя технику, но одновременно не может довести эту задачу до конца. Поэтому самой ближайшей преемницей «работы» в сочинениях позднего Хайдеггера оказывается та *techne*, которая в «Истоке...» определяется как «творчество», служащее откровению бытия.

Если брать весь идеологический разброс позиций по актуальному тогда вопросу о роли современной техники в жизни народа и государства – от «технократических» до «аграр-романтических» голосов, – то Хайдеггера *cum grano salis* следует отнести ко вторым¹⁴. «Слепое пятно» в хайдеггеровском понятии «работы» – это отсутствие систематического рассмотрения техники, особенно

примечательное тем, что позднее он займется техникой в критической перспективе. Если в 1933 г. Хайдеггер делает ставку на «труд» и национал-социализм, то после периода ректорства, в годы подготовки к написанию «*Beiträge*», о которой дают хорошее представление «Черные тетради», он будет усматривать в национал-социализме и технике как раз завершение метафизики и последнюю стадию нигилизма¹⁵. Господство техники есть «следствие из нововременной сущности истины как достоверности». Оттого-то «поклонение технике как идолу» (*Abgötterei der Technik*), являющееся, по Хайдеггеру, не только элементом нацистского мировоззрения¹⁶, но и характерное в равной мере для Юнгера, Шпенглера и немецкой технократии¹⁷, закономерно должно кончиться «сумерками идолов». А пока Хайдеггер, склонный к драматизму и даже трагизму, изображает безрадостную духовную ситуацию так: немцы, «метафизический народ», зажаты между Россией и Америкой, которые «одинаково впали в отчаянное неистовство разнузданной техники (*dieselbe trostlose Raserei der entfesselten Technik*)» и предаются «беспочвенной организации нормального человека»¹⁸.

Таким образом, все три концептуальных комплекса – «забота – работа – *techne*/техника» можно считать точками кристаллизации Хайдеггеровского мышления, сопряженными между собой систематической линией, которая им же самим (так же систематически) затушевывается. Это удачно формулирует Д. Тома: «Ретроспективно Хайдеггер встает на сторону тех, кто относит национал-социализм к “модернизации”. Это толкование – своего рода вытеснение того позитивного толкования национал-социализма под знаком “работы” и античной *techne* в выступлениях 1933 г.»¹⁹. Иными словами, Хайдеггер «вымарывает» как раз ту сторону национал-социализма, которая была особенно привлекательна с точки зрения его метафизической интерпретации «движения» и «немецкой революции» в целом как возвращения к грекам в целях спасения европейского человечества от духовной опасности беспочвенности, индивидуализма, субъективизма и активизма. Ведь в успехе национал-социализма немалую роль сыграла именно амбивалентность «естественного» и «технического», одинаково использовавшихся идеологией.

2. Что такое «подлинная техника» в ее отношении к *physis*

Но вернемся от общего плана к нашему частному вопросу. 25 ноября 1933 года пылкий и честолюбивый ректор Фрайбургского университета выступает с речью по радио «Südwestdeutsche Rundfunk». Эта речь известна под заголовком «Немецкий студент как рабочий». Обращаясь к студентам по случаю торжественной имматрикуляции, Хайдеггер говорит о том, какое место знание должно занимать в становлении народа государством. Государство и есть само это знание, ибо оно воплощает собой и реализует силы (Mächte) народного Dasein: «Например, *природа* открывается как пространство народа, как ландшафт и родина, как земля и почва. Природа высвобождается как сила и закон той сокрытой традиции *наследования* существенных склонностей и влечений. Природа становится задающим меру правилом в качестве здоровья. Чем свободнее властвует природа, тем величественнее и сдержанней следует подчинять ей формирующую силу подлинной *техники*. Встроенная в природу, поддерживаемая и венчаемая ею, воодушевляемая и ограничиваемая ею, осуществляется *история* народа»²⁰.

Выдвину гипотезу, что этот пассаж содержит сильную отсылку к Аристотелю, которая могла быть вполне прозрачной для внимательных слушателей Хайдеггера. Хайдеггер переводит здесь *physis* как «жизненное пространство», «ландшафт и родину», «землю и почву». В то же время «подлинная техника» помещается в тесную связь с *physis*, рассматриваемой не как объект для манипуляций, но как «меру здоровья». Не следует делать преждевременное заключение, будто слова о «наследовании» (Vererbung), «инстинктах» (Triebrichtungen) и «здоровье» (Gesundheit) с их расистскими коннотациями служат доказательством sacrificio dell'intelletto национал-социалистического ректора, своего рода уступкой «новой германской действительности». Напротив, я предлагаю взять этот «гераклитизм» в сугубо философском смысле, как он, очевидно, и задумывался, и записать его, так сказать, на счет Аристотеля, сына врача. Здесь нам может служить хорошим подспорьем фрагмент из второй книги «Физики». В интерпретирующем переводе Хайдеггера из трактата «О существе и понятии φύσις» он звучит так: «Кроме того, φύσις, о которой говорится как о выставлении в становление [genesis], [есть не что иное, как] ход к φύσις. [Причем] не так, как врачевание, о котором никогда не говорят, что оно есть путь к врачебному искусству, но к здоровью; ведь врачевание необходимо происходит от врачебного искусства, но направлено не на него [как на свой конец]; но не так [как врачевание к здоровью] относится

φύσις к φύσις, а то, что существует от φύσις и по ее способу, уходит от чего-то по направлению к чему-то, поскольку оно определяется φύσις [в движении этого хода]. “Во что” же оно восходит сообразно φύσις? Не в то, “из чего” [оно всякий раз возникает], но в то, в качестве чего оно всякий раз возникает» (Физика, II 193 b 12–18)²¹.

Человеческий способ про-из-ведения сущего не является естественным, поскольку основан на заученном умении обращаться с тем, что есть и может быть. Однако свои «компетенции» человек может поставить на службу тому, что действует само из себя, т. е. позволить сущим, имеющим в себе начало движения и роста, возникать и принимать свою форму. Впрочем, произвести из себя самой эту силу искусство неспособно, потому что это разные силы-способности. Комментируя пример Аристотеля (Физика, II 192 b 23–27), где идет речь о больном враче, который, «по совпадению», становится причиной своего выздоровления, хотя подлинное «начало» есть присущая ему природа, а не врачебное искусство, находящееся вне его и только усвоенное им, комментируя способ действия двух различных начал, Хайдеггер подчеркивает: в данном случае *techne* как «*der sich auskennende Vorblick*» есть знание и умение разбираться в том, что относится к бытию здоровым, что служит его сохранению и укреплению²². «Можно было бы, – продолжает он, – сделать следующее возражение: допустим, два врача страдают одной и той же болезнью, оба находятся в одинаковых условиях и оба лечат самих себя; но между этими двумя случаями болезни лежит временная дистанция в 500 лет, за которые случился “прогресс” новоевропейской медицины. Нынешний врач располагает “лучшей” технологией и поправляется, а живший ранее умирает от болезни. В этом случае *arche* выздоровления современного врача все-таки будет *techne*. Тем не менее следует иметь в виду: во-первых, неумирание в смысле продолжения жизни еще не обязательно является выздоровлением: то, что сегодня люди живут дольше, не доказывает того, что они здоровее, более того, позволяет говорить об обратном. Но даже если допустить, что продвинутый врач не только на время оттягивает смерть, но и выздоравливает, то получится, что и в этом случае врачебное искусство просто лучше поддерживало и направляло *physis*. *Techne* может только идти на встречу *physis*, может в большей или меньшей степени поддерживать здоровье; но в качестве *techne* она не может заменить собой *physis* и стать вместо нее *arche* здоровья как такового»²³.

Смелая идея «подлинной техники», публично высказанная в годы ректорства перед лицом студенчества и профессуры, не получила своего развития потому, что Хайдеггер уже весной 1934 г. (28 апреля этого года он ушел с поста ректора) начинает испыты-

вать сомнения относительно правильности сделанной им ставки на «самоутверждение немецкого университета» и все больше убеждается в неспособности «предприятия» под названием высшая школа взять на себя «тяжелейшую работу вопрошания», «отдаться существующим силам» бытия²⁴. Критически оценивая собственную речь годичной давности, Хайдеггер уже в «Черных тетрадах» констатирует, что «науки выродились <...> в голые технологии»; «полная технизация» охватила не только естественные и гуманитарные науки, но и медицину, ставшую «биологической техникой»²⁵.

Впрочем, этот автокритицизм Хайдеггера не ставит под вопрос основы собственного мышления, но лишь называет свои заблуждения относительно институтов (университет, церковь, печать), социальных групп (студенты, профессора) и идеологии (национал-социализм) своего времени, вызванные акцидентальными обстоятельствами. Процесс технизации неизбежно «катится или, лучше сказать, ползет к своему концу»²⁶, за которым последует «новое начало». В послевоенных работах Хайдеггер именует «Gestell» «фотографическим негативом события»²⁷ – смелая метафора, которая, согласно толкованию Д. Тома, «означает не что иное, как то, что техника (включая национал-социализм) служит “негативом”, который должен быть проявлен в темной комнате истории бытия, чтобы мы увидели на нем “событие”»²⁸.

Сама бытийная возможность техники, проистекающей из античной *techne*, требует считаться со своим потенциалом. Кооперируя с природой, *techne* остается способом открытия, производства вещей, позволяет сущему приходить в присутствие. Эта *arche*, производящая сила (*Macht*, как переводит Хайдеггер, выводит в присутствие искусственные вещи, но и здесь сила *techne* скорее ограничена, подчинена власти природы. Именно в этом заключается – если угодно, терапевтическое – значение Аристотеля: через различие между *techne* и *physis* он учит современника, увлеченного идеей совершенства и превосходства техники, сдержанности, помогая ему, как знающий свое дело врач, видеть сущее в горизонте *physis*, бытия сущего.

3. Подлинная техника VS. *Machenschaft*

Подобно другим консервативно-революционным мыслителям своего времени, Хайдеггер уделял большое значение деятельной роли германского народа в ходе технической революции. В то же время он не разделял ни героико-реалистических взглядов Эрнста Юнгера и Освальда Шпенглера, ни технократической установки

на встраивание техники в систему ценностей фэлькиш-идеологии. Хайдеггер вполне осознавал ясную альтернативу между «подлинной техникой», кооперирующей с природой и отвечающей Dasein германского народа, и «Machenschaft», приводящей к бездумному производству вещей, эксплуатации природных ресурсов и тем самым ввергающей в опасность всю планету. Однако сложное отношение между echte Technik и Machenschaft включает в себя одновременно непрерывность и разрывы. С одной стороны, обе являются способами раскрытия, но с другой стороны, современная техника не умеет использовать то, что природа и так держит для нас наготове. Machenschaft, наоборот, увлекается манипулированием природой, навязывает ей свои правила и подрывает ее онтологическую и структурную целостность самыми разными способами.

Теперь мы можем увидеть, что лежит в основе концептуальной модели позднего Хайдеггера, приписывающего технике двойственный характер – «предельной опасности» забвения бытия и «спасительной силы», дающей шанс на возвращение к подлинному способу бытия. Хайдеггер не задается вопросом: как немцам (и европейскому человечеству в целом) отказаться от современной техники и вернуться к ремесленному производству, poiesis'у в смысле про-из-ведения? В то же время он не призывает всех стать поэтами, чтобы восстановить исходную целостность poiesis'a. По-настоящему Хайдеггера интересует только смена аспекта – то, как мы понимаем технику в ее отношении к нашему жизненному миру. Поэтому очевидно, что техника не может быть редуцирована до «машинной техники» или «аппаратуры», поскольку речь идет прежде всего об особом умении-знании как способе aletheuein. Эта интуиция взаимосвязи и взаимодополнительности physis и techné приуготовляет путь для возвращения техники как экологической устойчивости в глобальном мире и позволяет нам увидеть Хайдеггера так, как он себя не видел – как пионера environmental ethics. Действие трансформативной силы бытия непредсказуемо, а потому ничто не мешает предположить – причем оставаясь, так сказать, в ландшафте Хайдеггеровской мысли, – что современная захваченность идеей sustainability может стать «новым началом» или четвертой фазой в истории бытия после «упорядоченного роста» греческой природы, «сотворенности» христианско-платонического космоса и «воли к власти» эксплуатирующей природу планетарной наукотехники.

Сущность техники, как утверждает Хайдеггер в «Вопросе о технике», не есть нечто техническое. Техника не исчерпывается комбинацией антропологических и инструменталистских дефиниций, но остается для Хайдеггера «мирообразующей силой челове-

чешко-исторического Dasein». Это двойственное видение сущности техники²⁹ как способа раскрытия находит свое отражение в 1) требовании ограничить современную технику как «поставление» природы в интересах человека в той мере, в какой природа открывается как устойчивый резерв для удовлетворения человеческих нужд; и 2) напоминании о забытой способности техники производить вещи, оставаясь внимательным и открытым к тому, что предлагает нам природа. «Подлинная техника», в противоположность «поставлению» природы, является законной наследницей *techne*, поскольку добровольно подчиняет себя *physis* в той мере, в какой та направляет всякое рождение и возникновение.

Примечания

- ¹ С той лишь разницей, что для поздней философии Хайдеггера характерно понимать Dasein как сущее, которое отвечает бытию, а не задает вопрос о бытии (ср.: *Polt R.* «Einführung in die Metaphysik». Eine Erkundung der physis und ihrer Entmachtung // *Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung* / Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2003. S. 175).
- ² См.: *Heidegger M.* Wegmarken // Gesamtausgabe Bd. 9 / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 289.
- ³ Ibid. S. 257.
- ⁴ Против такого объяснения выступает и Т. Рокремер: «В отличие от безрадостной картины, нарисованной Л. Клагесом или Ф.Г. Юнгером, Хайдеггер выступал против демонизации техники, подчеркивая значение техники как правомерного способа понимания и отношения к миру. Техника – это не просто некая произвольная человеческая деятельность, но “способ раскрытия”» (*Rohkrämer Th.* Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // *How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich* / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 186).
- ⁵ *Heidegger M.* Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges // Gesamtausgabe Bd. 16 / Hrsg. von H. Heidegger. Frankfurt a/M., 2000. S. 111.
- ⁶ Ibid. S. 201.
- ⁷ Ibid. S. 205–206.
- ⁸ *Thomä D.* Heidegger und der Nationalsozialismus. In der Dunkelkammer der Seinsgeschichte // *Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung* / Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2003. S. 153.
- ⁹ *Heidegger M.* Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache / Hrsg. von G. Seubold. Frankfurt a/M., 1998. S. 163.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ *Thomä D.* Op. cit. S. 154.
- ¹² *Heidegger M.* Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 205.

- ¹³ Подробнее см.: *Михайловский А.В.* Чего не видел Эрнст Юнгер. Рецензия на: *M. Heidegger. Zu Ernst Jünger (Gesamtausgabe Bd. 90)* // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 1. М., 2008. С. 477–491.
- ¹⁴ См.: *Losurdo D.* Die Gemeinschaft, der Tod, das Abendland. Heidegger und die Kriegsideologie. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 1995; *Rohkrämer Th.* Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 171–203.
- ¹⁵ См.: *Михайловский А.В.* Значение языка «Рабочего» для хайдеггеровской критики метафизики // Историко-философский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2003. С. 218–248.
- ¹⁶ *Heidegger M.* Überlegungen II–IV (Schwarze Hefte 1931–1938) // Gesamtausgabe Bd. 94 / Hrsg. von P. Trawny. Frankfurt a/M., 2014. S. 261.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 456.
- ¹⁸ *Heidegger M.* Einführung in die Metaphysik // Gesamtausgabe Bd. 40 / Hrsg. von P. Jäger. Frankfurt a/M., 1983. S. 40–41.
- ¹⁹ *Thomä D.* Op. cit. S. 158.
- ²⁰ *Heidegger M.* Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. S. 200–201.
- ²¹ *Heidegger M.* Wegmarken. S. 291.
- ²² *Ibid.* S. 256.
- ²³ *Ibid.* S. 256–257.
- ²⁴ *Heidegger M.* Überlegungen II–IV (Schwarze Hefte 1931–1938). S. 176.
- ²⁵ *Ibid.* S. 179, 199.
- ²⁶ *Ibid.* S. 94, 286.
- ²⁷ *Heidegger M.* Seminare // Gesamtausgabe Bd. 15 / Hrsg. von C. Ochswadt. Frankfurt a/M., 1986. S. 366.
- ²⁸ *Thomä D.* Op. cit. S. 156–157.
- ²⁹ Современная техника – это завершенная метафизика, но в то же время она похожа на «двуликого Януса» (*Heidegger M.* Zur Sache des Denkens // Gesamtausgabe Bd. 14 / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Frankfurt a/M., 2007. S. 63). Техника, радикальнейшее отрицание события (поскольку стремится к тотальному управлению), должна одновременно стать праформой события.